

«Грамматика беседословная» Ивана Иконника как синтез славянской грамматической традиции

Статья посвящена рукописной грамматике Ивана Иконника (1733 г.) из собрания рукописей музея-заповедника «Московский Кремль», в которой содержится обобщение и переосмысление предшествующей славянской грамматической традиции. Выявлен круг источников, использованных Иваном Иконником при создании грамматики, реконструированы принципы представления языкового материала, которыми он руководствовался в своей работе.

Ключевые слова: славянская грамматическая традиция, церковнославянский язык, языковая норма, история литературного языка.



**Елена Александровна
Кузьмина,**
доцент филологического
факультета
Московского
государственного
университета
им. М.В. Ломоносова,
кандидат филологических
наук

Грамматические сочинения, жанровая специфика которых определяется одновременной фиксацией в них языка и мысли о языке его пользователей, являются ключевым источником для реконструкции языкового сознания на том или ином синхронном срезе. Однако славяно-русская грамматическая традиция до настоящего времени еще в полной мере не изучена. Если современная наука и располагает некоторым количеством «точных» монографических описаний, а также обзорных и сопоставительных исследований, посвященных печатным грамматикам, то грамматические сочинения, представленные в манускриптах, занимают явно периферийное положение. Классическим и пока непревзойденным образцом остается труд И.В. Ягича [8], позволяющий вполне адекватно представить себе интересы славянских книжников и процесс развития их грамматического мышления до XVII века. Между тем, и данная работа не охватывает всех разбросанных по рукописям филологических трактатов.

К числу таких неизданных трактатов относится «Грамматика беседословная» (1733 г.), которая хранится в собрании рукописей музея-заповедника «Московский Кремль» (№ кн. 213; 8°, 221 л.). Хранитель фонда рукописных и старопечатных книг музея «Московский Кремль» старший науч-

ный сотрудник Е.В. Исаева, благодаря которой у нас появилась возможность работать с рукописью, сообщила, что, по имеющимся в архивах музея данным, до революции грамматика Иконника находилась на экспозиции в палатах бояр Романовых, где вместе с букварем Кариона Истомина служила образцом типичного учебного пособия XVIII века. Ее предоставил из своего личного собрания заведующий Государственным древлехранилищем хартий, рукописей и печатей при Московской Оружейной палате князь М.А. Оболенский (1805—1873).

Достоверно удалось установить, что грамматика была куплена князем Оболенским во второй половине 1840-х годов. В прижизненной описи собрания князя рукопись значится под № 133 как «Грамматика начала XVIII в. Оригинал Ивана Иконника. На 221 листе» (РГАДА, ф. 395 (Кабинетные бумаги кн. М.А. Оболенского), оп. 1, № 93, с. 21). Рядом с описанием рукописи есть карандашная пометка, сделанная рукой князя: «Уг-на Буслаева 1851, 11 февраля». Ф.И. Буслаев (1818—1897), один из самых ярких русских филологов XIX в., профессор Московского университета, в 1850-е гг. собирал материалы для своего фундаментального труда «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков» (1861) [2]. Вошли в хрестоматию и два фрагмента из предоставленной ему князем Оболенским рукописи грамматики (Л. 12—12 об., 179 об.—180) [2, стлб. 1295—1296]. В 1857 г. М.А. Оболенский был назначен председателем Ученой комиссии по возобновлению палат бояр Романовых и лично занимался формированием коллекции будущего музея. В частности, в его переписке с членами комиссии регулярно обсуждался вопрос об оформлении детской. В письме князю Н.И. Трубецкому от 2 апреля 1859 г. М.А. Оболенский пишет, что в детской должен быть «столик для учения. На оный положатся в витрине: букварь, Азбуки, указка», позже в черновых бумагах добавлена еще и «черта (линейка)» (РГАДА, ф. 395, оп. 1, № 630а). Открытие палат Романовых состоялось 22 августа 1859 г., по всей вероятности, уже до этого времени грамматика была передана князем для экспонирования.

По-видимому, именно в силу того, что рукопись грамматики Иконника в XIX в. и первой четверти XX в. являлась элементом экспозиции, этот ценнейший памятник грамматической мысли не вошел в обзоры С.К. Булича [1] и И.В. Ягича [9], вплоть до настоящего времени оставался вне поля зрения исследователей и не был изучен ни в текстологическом, ни в лингвистическом отношении.

К сожалению, никаких сведений о самом Иване Иконнике нам обнаружить не удалось. Тем не менее, некоторые предположения об обстоятельствах появления его грамматического трактата и о месте его проживания (или происхождения?) могут



Изображение науки Грамматики.
«Грамматика беседословная» Ивана Иконника (Л. 16)

быть сделаны на основании использованного им иллюстративного языкового материала. Наше внимание привлекли приведенные Иваном Иконником на л. 40 примеры имен собственных — названий «градъвъ: Москва, Ямполь, стародѣкъ, Кромы; и прѣч. Или сѣль: Старово, Деменка, Случонки, и прѣч. Или рѣкъ: Волга, сѣра, Днепръ, сожь, ипуть; и прѣч.». Этот выбор нельзя считать случайным, достаточно вспомнить аналогичные примеры в грамматике Мелетия Смотрицкого: если в первом, евьевском, издании (1619 г.) фигурирует город Вильно (Л. 20 об.), то во втором, московском (1648 г.) вместо Вильно указана Москва (Л. 76 об.). Действительно, названные Иваном Иконником города (Стародуб, Кромы, Ямполь), реки (Днепр, Сожь, Ипать) и села (Деменка, Случонки) расположены в одном регионе — Стародубском. На этот же район однозначно указывает и еще один пример из текста грамматики: имена «вида отечественного» Иван Иконник иллюстрирует словами «стародѣвннѣ, стародѣвнѣцъ» (Л. 62). Территория Стародубья, обозначенная Иконником топонимами и гидронимами, с 1669 г. становится местом компактного проживания старообрядцев, бегущих из Москвы от

преследования властей. Число поселений раскольников и основанных ими монастырей возрастает там во времена правления Петра II (1727—1730) и Анны Иоановны (1730—1740) [3, с. 15—17].

В первой половине XVIII в. Стародубский район является крупнейшим центром старообрядческой книжности, известным своими обширными книжными собраниями, активным развитием в 1720—1730-е гг. системы школьного образования и распространением грамотности среди населения [3, 6, 7]. Именно в Стародубье были созданы такие богословские сочинения полемического характера, как «История о бегствующем священстве» Ивана Алексеева, «100 вопросов о кресте», выступающее в делах Синода как сочинение «Михаила Григорьева, Климовскаго жителя, по профессии иконника, приятеля Ивана Алексеева» [7, с. 56]. Высок был и общий образовательный уровень стародубских раскольников. В этом отношении чрезвычайно показательны слова летописца Ветковского монастыря, писавшего, что «он вместе с Иваном Алексеевым «самоучкою» изучал грамматику и риторику с диалектикой Лихудиевы» [7, с. 57]. Речь идет о сложнейших учебниках, написанных греческими богословами братьями Софронием и Иоанникием Лихудами для Славяно-греко-латинской Академии — первого высшего учебного заведения России. Эти и другие учебные пособия, специально вывозимые из Москвы для обеспечения учебного процесса в создаваемых школах, были широко представлены в книжных собраниях Стародубья. Так, например, в описи одного из них указаны: «Лексикон словенский, киевской печати. Алфавит азбучный, письменный. Грамматика Московская» [7, с. 19—20]. Лексиконом киевской печати назван «Лексикон славенороссийский» Памвы Берынды (Киев, 1627), которым активно пользовались справщики Московского печатного двора [5, с. 593—589], грамматикой Московской — московское издание грамматики М. Смотрицкого (1648 г.).

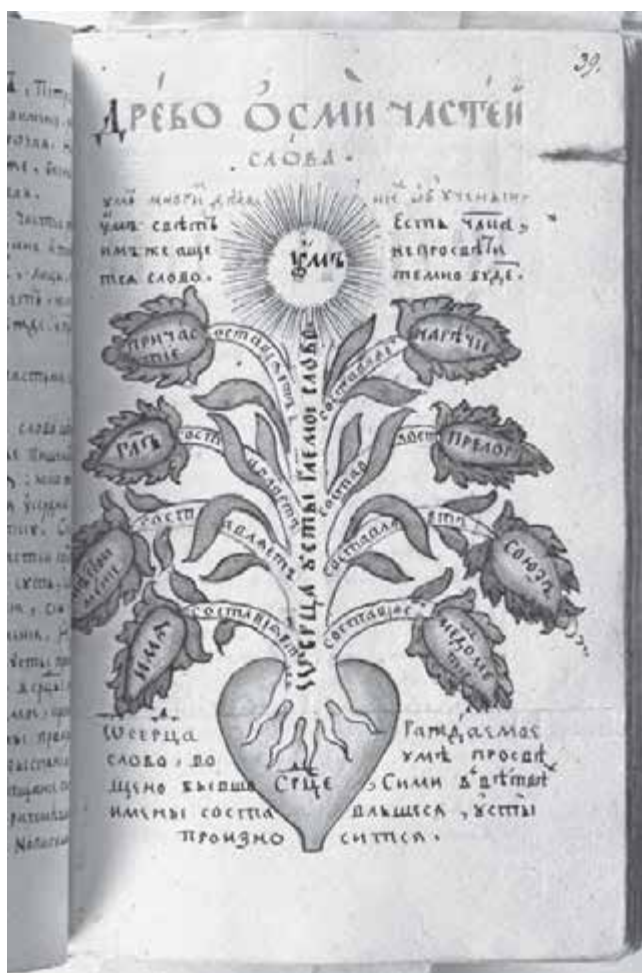
Таким образом, с большей долей вероятности можно полагать, что грамматическое сочинение Ивана Иконника было создано в Стародубье, в старообрядческой среде. Последнее обстоятельство подтверждается и использованием в рукописи полуустава (с отдельными элементами скорописи), и указанием даты — от сотворения мира зсма 7241 г. (а не от Р.Х. 1733 г.) (Л. 2), и подтитленным написанием имени Иисус с одной буквой І — Іс (а не іісѣ) (Л. 31) [4].

Иван Иконник, прекрасно владея материалом предшествующих описаний церковнославянского языка — орфографических руководств, грамматик, словарей и т. п., осуществляет в своей грамматике синтез филологического опыта «древних учителей» (Л. 19 об.) и «нынешних творцев» (Л. 34). Анализ содержания грамматики Ивана Иконника показывает, что в качестве основных источников им были использованы: 1) три издания грамматики М. Смотрицкого, совпадающие лишь частично и во многом конфликтующие между собой — 1-е изд. (Евье, 1619), 2-е изд., подготовленное Михаилом Роговым и Иваном Наседкой (Москва, 1648), 3-е изд., подготовленное Федором Поликарповым (Москва, 1721); 2) грамматика Федора Максимова (СПб., 1723); 3) «Лексикон треязычный» Федора Поликарпова (Москва, 1704); 4) трактат «О осмих частех слова», являющийся «грамматическим каноном» Древней Руси; 5) «Сказание како состави святыи Кирил философ азбуку», представляющее собой одну из редакций трактата «О письменех» черноризца Храбра, а также развивающие его отдельные сюжеты статьи «Написание языком словенским о грамоте и о ея строении» и «Беседа о учении грамоте». Некоторые из этих источников названы самим Иваном Иконником — он ссылается на них либо рекомендует обращаться к ним за дополнительной информацией. В тексте грамматики Иконника содержится прямое указание на московское издание грамматики М. Смотрицкого 1648 г.: «прочая же да созерцается в лексиконе, и в *Грамматике в четверть изданней при Иосифе Патриарсе* [здесь и далее выделено автором. — Е.К.]» (Л. 30). Под лексиконом же подразумевается «Лексикон треязычный»

Ф. Поликарпова. Упоминаемыми Иконником современными грамматиками («по обыкности нынешних грамматик» — Л. 22), изданными в учебных целях («оня Грамматики, яже во учение изданы суть» — Л. 102 об.), являются третье издание грамматики М. Смотрицкого 1721 г. и грамматика Ф. Максимова 1723 года.

Ориентация на указанные филологические сочинения прослеживается как в отношении грамматической систематики и языкового материала, так и в композиционном отношении.

Грамматика Ивана Иконника, воспроизводя классическую структуру грамматического описания, утвердившуюся в печатных грамматиках церковнославянского языка, включает четыре части: орфографию — учение о букве и звуке, просодию — учение о надстрочных знаках и знаках препинания, этимологию — учение о восьми частях речи («слова») и их грамматических категориях («последующих»), синтаксис — учение о сочетательных возможностях каждой части речи. В основу каждой из четырех частей (и их разделов) были положены разные источники. Так, орфографические правила грамматики Иконника (Л. 23 об.—30 об.) построены по модели «Правил орфографии» второго издания грамматики М. Смотрицкого (Л. 51—56), а способ представления знаков препинания (Л. 190 об.—193) заимствован из соответствующего раздела ее первого издания (Л. 18—19 об.). Часть «О синтаксисе» (Л. 157—168 об.) основана на части «О согласии» грамматики Ф. Максимова (с. 181—184) и дополнена анализом текста по образцу «Чина Технологии» Ф. Поликарпова, опубликованного в третьем издании грамматики М. Смотрицкого (Л. 253—283). Структура основных морфологических разделов «О имени» (Л. 39 об.—78 об.) и «О глаголе» (Л. 86 об.—109 об.) восходит к трактату «О осмих частех слова». Представление грамматического материала в «осмочасти», с одной стороны, и в грамматиках М. Смотрицкого и Ф. Максимова, с другой, носит принципиально различный характер. «Осмочастье» дает общую картину устройства языка, но не описывает систему словоизменения, в то время как в грамматиках ее описание составляет основу морфологических разделов. Как в трактате «О осмих частех слова», в грамматике Иконника детально рассматриваются грамматические категории, т. е. «последующие», а парадигмы спряжения и склонения отсутствуют. Отказ от включения парадигм Иван Иконник обосновывает методически — стремлением оптимизировать процесс обучения, избежав «натужности», излишнего напряжения сил «слышателей»: «Парадигматы, или примеры на кийждо глагол в последующих лежащий, яко во иных Грамматиках удоволенных, zde не полагаем, да не в долготу излишества словом произшеди, натужность слышателем сотворит»



Части речи. «Грамматика беседословная»
Ивана Иконника (Л. 39)

(Л. 102 об.). Конкретные именные и глагольные формы языка-объекта, заимствованные Иваном Иконником уже из грамматики М. Смотрицкого, вводятся им в описание каждой грамматической категории по модели «осмочастья» как иллюстративный материал. В частности, представляя категорию двойственного числа, Иконник приводит в качестве примеров по одной дуальной форме каждого из пяти типов склонения грамматики М. Смотрицкого: «Тѣ двѣ дѣвѣ, та два каврета, Тѣ двѣ матерѣ, Та два пастырѣ, Та свѣта» (Л. 67 об.) — ср. грамматика М. Смотрицкого «тѣ дѣвѣ, та каврета, тѣ матерѣ, та пастырѣ, та свѣта» (Л. 33, 43, 60 об., 63 об., 74 об.).

Обобщение предшествующих опытов описания и кодификации церковнославянского языка в грамматике Иконника преследует лингводидактические цели. Адресуя свою грамматику учащимся, «к художеству силы ея навыкнути хотящим» (Л. 1 об.), Иван Иконник ставит перед собой задачу оптимизировать процесс усвоения учебного материала, облегчить восприятие сложных грамматических правил и предписаний: «яко в сем моем труде намерение имам, не таяжде показати,

яже во иных грамматиках умножена и изяснена, но яже во оных зрится, и зримое к разрешению не поемлетя, по силе моеи изявити, и разными прелоги тех важность показати» (Л. 79).

Установка на создание пособия, которое бы предельно ясно и доступно излагало учение о книжном языке, реализуется Иконником посредством, во-первых, адаптации метаязыкового комментария: «простая словеса совершенноше правил описания тоя [т. е. грамматики] дадут» (Л. 1); и, во-вторых, использования катехизисной (вопросно-ответной, «беседословной») формы изложения, признававшейся наиболее доходчивой формой обучения: «для неведующих якоже свойственно учеником восхотех сию беседословием начертати» (Л. 2), «удобнаго ради познания, образом беседословным предлагаю» (Л. 19 об.). В двух указанных направлениях Иван Иконник перерабатывает правила и дефиниции, заимствованные у других грамматистов. Сравним, например, трансформацию текста правила о правописании -нн- или -н- в суффиксах прилагательных и причастий, восходящего к грамматике М. Смотрицкого:

Грамматика Ивана Иконника	Грамматика Мелетия Смотрицкого
<p>Сіе правило иде Ѹченіе пзнаваетъ: Імене прилагателна и причастіа разньство хранити.</p> <p>Чини; Писемны кончаньими.</p> <p>Книги; На ний кончаюцими.</p> <p>Какъ; На ний кончаемаа прилагателнаа имена, на два ни кончати научаетъ: ѡкъ, Істинный смиренный. Причастіе же едино писма и в концѣ имѣти повелѣваетъ сице: смиренный, чтеный, видѣный, гладеный: и проч. (Л. 33 об. — 34).</p>	<p>И двомъ в концѣ хранимаъ вѣти достонъ именемъ на чистое ний, ко'чаци'са приачны вѣти два ни: ѡкъ, страный смиренный истинный законный ѡкаанный и про; причастіемъ же едино: ѡкъ, чтанный смиренный чтеный ѡкаанный видѣный: и про. (Л. 13—13 об.).</p>

Важно подчеркнуть, что, обобщая данные широкого круга источников, Иван Иконник выступает не банальным копиистом и компилятором, слепо следующим своим образцам. Его грамматика является *реакцией* на предшествующие опыты нормализации церковнославянского языка и их *переосмыслением*. В результате ее орфографическая и грамматическая норма не тождественна норме ни одной из грамматик-источников.

Так, правила употребления *оу*, *ѡ*, *ѣ* грамматики Иконника (Л. 27—27 об.) соответствуют предписаниям первого издания грамматики М. Смотрицкого, согласно которым диграф *оу* следует употреблять только в позиции начала слова, а лигатуру *ѡ* и монограф *ѣ* — в конце и середине слова (Л. 10 об.), и противоречат второму изданию, которое допускает и диграф, и лигатуру во всех позициях (Л. 53 об. — 54). В то же время рекомендация Ивана Иконника использовать *ѣ*-широкое в начале слова (Л. 24 об.) отражает ориентацию на грамматику Ф. Максимова (Л. 2) и противоречит, в свою очередь, правилу второго издания грамматики М. Смотрицкого, где *ѣ*-широкое регламентируется также и в абсолютном конце слова, а *ѣ*-узкое возможно в начале (Л. 51).

Кодифицированные в грамматиках флексии Иван Иконник сопоставлял с собственными представлениями о норме. В разных грамматических позициях окончания, представленные в грамматике Иконника, могут совпадать либо с одним или двумя из трех изданий грамматики М. Смотрицкого, либо с грамматикой Федора Максимова в различных комбинациях. Например, флексия -и, нормированная Иконником в дательном падеже единственного числа у существительных первого склонения с исходом основы на -ц — *пѣнници* (Л. 71 об.), представлена в первом издании грамматики М. Смотрицкого (Л. 37 об.), а флексия -ѣхъ в местном (т. е. предложном) падеже множественного числа существительных третьего склонения — *матерѣхъ* (Л. 68) дается в ее третьем издании (Л. 56 об.). Форма родительного падежа единственного числа

первого склонения с исходом основы на шипящий с флексией -и — мрежи (Л. 70 об.) соответствует норме грамматики Ф. Максимова (Л. 10) и второго издания грамматики М. Смотрицкого (Л. 98). Кодифицируя варианты окончаний в звательном падеже единственного числа третьего склонения: *заповѣде, заповѣди* (Л. 67), Иван Иконник мог ориентироваться как на второе, так и на третье издание грамматики М. Смотрицкого (Л. 120 об., 55 об.). Вариантные формы родительного падежа множественного числа второго склонения *казеретъ, казеретвъ* (Л. 68) отражают следование грамматике Ф. Максимова (Л. 12) и третьему изданию грамматики М. Смотрицкого (Л. 49) и т. д.

Принимая, трансформируя или вообще отвергая предписания своих предшественников, Иван Иконник вступает с ними в своеобразную полемику. В частности, его возражения вызывает стандартное, представленное в трех изданиях грамматики М. Смотрицкого определение буквы («писмя») как «нераздельной» части предложения, поскольку есть такие письмена (ы, ъ, ю, ѡ), которые «могут в себе и разделиться <...> понеже сии гласи, из дву писмен составляются» (Л. 21). Тем самым Иконник выявляет внутреннее противоречие, заложенное в графической и фонетической концепции М. Смотрицкого. Трактую букву как минимальную, неделимую единицу, Смотрицкий вместе с тем выделяет так называемые «двогласные» буквы, которые «разделяются», т. е. состоят из двух элементов (фонетических — ю, ѡ либо графических — ы, ъ), и, соответственно, противоречат такой трактовке.

Критически реагирует Иван Иконник на представление в существующих грамматиках категории рода как семичленной. В семичленной родовой классификации имени, предложенной М. Смотрицким вслед за грамматиками латинского языка Ф. Меланхтона (1554), С. Лупула (1550), И. Урсина (1592), собственно грамматическая категория рода смешивается с естественным полом. Помимо мужского (*тѣи мѣжъ*), женского (*тѣа жена*) и среднего (*тѣе древо*), выделяются еще четыре рода: общий (*тѣи и тѣа воевода*), всякий — к нему относятся слова, которые можно принять и за мужской, и за женский и за средний род (*тѣи, тѣа, тѣе юродъ*), недоуменный — к нему относятся слова, о которых нельзя положительно узнать, какого они рода — мужского или женского (*тѣи илѣ тѣа неяснѣ*), преобщий, обнимающий оба пола (*тѣи дрѣлѣ, тѣа ластвовица*) (Л. 26). Против такой интерпретации, воспроизведенной без изменений во втором и третьем изданиях грамматики М. Смотрицкого и в грамматике Ф. Максимова,

выступает Иван Иконник. Он отстаивает традиционное понимание категории рода, заданное в трактате «О осмих частех слова», которое предполагает тернарное родовое противопоставление [8, с. 47]: «кроме трех родов мужеска женска и средня нет инаго рода» (Л. 53).

Взгляды Ивана Иконника на книжный язык и языковую норму не совпадали полностью со взглядами его предшественников. Вместе с тем в своем грамматическом руководстве, созданном в период, когда формируется новая концепция литературного языка, он реализует традиционный подход к церковнославянскому языку, остается сторонником традиционной книжности, видящим во владении грамматикой основание для постижения Богооткровенной истины, «дверь разумения, еуже в полату Священнаго Писания входящая, дражайшия бисеры и камни дарования божия чудно обретают» (Л. 3).

Список источников

1. Булич С.К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1. XIII в. — 1825 г. / С.К. Булич. — СПб., 1904. — 1248 с.
2. Буслаев Ф.И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков / Ф.И. Буслаев. — М., 1861. — 1632 стлб.
3. Волошин Ю.В. Урядова политика що до російських старообрядців на Стародубщині у XVIII ст. // Український історичний журнал. — 2006. — № 1. — С. 14—27.
4. Кузьминова Е.А. Грамматика Ивана Иконника: история создания / Е.А. Кузьминова, Н.В. Николенкова // Вестн. церков. истории. — 2009. — № 1. — С. 148—172.
5. Она же. Научный комментарий // Грамматика 1648 г.; предисловие, науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е.А. Кузьминовой. — М., 2007. — С. 493—612.
6. Лазаревский А.М. Описание Старой Малороссии. Материалы для истории расселения, землевладения и управления. Т. I. Полк Стародубский / А.М. Лазаревский. — Киев, 1888. — 470 с.
7. Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVIII вв. / исслед. М.И. Лилеева. — Киев, 1895. — 596 с.
8. Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке / И.В. Ягич. — СПб., 1896. — 782 с.
9. Она же. История славянской филологии // Энцикл. славян. филологии. Т. I. — СПб., 1910. — 961 с.

Иллюстративный материал предоставлен автором статьи